

КАМЕРТОН

100% Камбурова 2001 — 10 июля — с. 4.

— Насколько я знаю, Елена Антоновна, у вас рядет юбилей. Вы спокойно говорите о возрасте?

— Да, только насчет юбилея — тут ошибка. Одиннадцатого у меня действительно день рождения, но не юбилей. А на днях начались звонки — и с телевидения, и из газет. Вечера позвонили из Администрации Президента — тоже хотели поздравить. Я ничего не понимала. Видимо, в каком-то справочнике неправильно год указан. По поводу отношения к возрасту: в 20 лет я очень переживала, что мне не 18. Даже поступая в институт, боялась сказать, что мне уже 20 лет. В 32 года — то же самое. Может, причина в том, что мой внутренний возраст не совпадает с календарным. Он остановился где-то в районе тридцати. По-настоящему взрослым человеком я ощущаю себя только на сцене.

— Говорят, что вы — женщина не от мира сего. Как у вас обстоят дела с бытом, с житейскими заботами?

— Очевидно, кому-то и может показаться, что я не от мира сего. Я не прожила такую жизнь, какая обычно бывает у женщин: семья, домашние хлопоты, дети. Хотя был и первый муж, и второй муж. Я помню — особенно в начале семейной жизни, — что мне нужно было все время гладить какие-то брюки, потом готовить обед, еще что-то делать. Это занимало очень много времени, и, конечно, такая бытовая однообразность моей вольной натуре немножко чужда. Хотя я очень люблю, чтобы дома было уютно, красиво.

— Вы действительно в детстве были очень застенчивы? Как это совмещалось с призванием актрисы?

— Моя робость в какой-то степени сохранилась и до сих пор. И я по жизни ее преодолеваю. У меня с детства аллергия на массовость — я не люблю, когда вокруг много людей. Поэтому считаю себя камерной певицей: самый большой зал — тысяча двести мест.

— А были случаи, когда ваша робость становилась причиной провала?

— Безусловно. В детстве я практически не выходила на сцену. И в первый раз решилась выступить только в десятом классе. Задумала выйти необычно — прямо из зала. Да еще попросила, чтоб меня в конце программы поставили. Это был провал провалов! Если такой эпизод показать в кино, он был бы ультракомедийным. Девочка хочет, танцую, пройти сквозь зал, на первом же шаге опрокидывается, падает, потом наконец проталкивается через своих сверстников на сцену, открывает рот, пытается петь, а звук не идет. Она перебегает на другую сторону — голоса все равно нет. В общем, погримасничала и убежала. Волна волнения поглотила меня совершенно. Зрители смеялись, а я, даже не зная шубку, побежала домой в чем была. И три дня не ходила в школу. Вот такой первый экзамен, который я абсолютно не выдержала.

— Долго потом не решались повторить этот эксперимент?

— Года два. Но внутренний голос — все-таки очень серьезная штука. Он говорит: "Иди!" — и тут ничего не поделаешь. Уже учась в техническом институте, я начала его все сильнее слышать.

— А на кого вы учились?

— В Киеве я поступила в Институт легкой промышленности, собиралась стать инженером по обуви. Но, закончив два курса, подала заявление об уходе. Мистика, но с тех пор с обувью у меня происходят невероятные истории. Я заказывала обувь для сцены, а мне делали ее на полтора размера меньше. Снова заказывала — и вновь получалось что-то совершенно неподходящее. Фантастика! Очень многих мастеров перепробовала — результат одинаковый. Я уже могу делать музей своей непригодной обуви. Какой только нет — даже из кожи карпа. И вся стоит без дела.

— Наверное, обувь мстит за то, что вы ее отвергли. Но куда же привел вас внутренний голос?

— Я пришла в Киевский театральный институт, и меня принял светлой памяти человек — Михаил Полизкович Верхаский. Я почитала ему и на русском и на украинском языке. Меня потрясло, что он не только нашел время выслушать, но и сказал такие слова, которые дали мне терпение и мужество на годы вперед. Потом я оказалась в Москве, в училище циркового и эстрадного искусства.

— Чему вас научил цирк? По канату можете пройти?

— Нет. Могу только жонглировать, и то лишь тремя предметами. Я там не столько училась, сколько наблюдала, как работают настоящие циркачи. С уроков вокала сбегала: меня вели как колоратурное сопрано, которым я не была. После тех уроков разговаривать не могла. К тому же я считала, что в будущем и петь-то не стану. Я видела себя в театре, в драме. Мой муж был педагогом того же училища — музыку у нас преподавал, но я не училась как следует.

— Тем не менее вы вскоре стали известны именно как певица.

— Удача повернулась ко мне, хотя я этого и не осознавала. Я записала на радиостанции "Юность" сразу десять песен на стихи Новеллы Матвеевой. А тогда эту радиостанцию слушали буквально все — у меня моментально образовалась молодая аудитория. Студенческая молодежь очень интересовалась такой

Иной раз смотришь на человека — и сразу понимаешь, как и почему он стал звездой. У него где надо — утянуто, где надо — выпячено. В нужном месте бренчит, а в нужном — бряцает. В общем, все путем. С Еленой Камбуровой совсем другая история. Слава обычно обходит таких, как она — нерасторопных, не кидающих щедрые жертвы на алтарь успеха. Но сила ее дара такова, что общие законы не действуют. Впрочем, слава — не самое подходящее слово. Камбурова — это Имя. У нее несмелый взгляд ребенка. Пластика упрямой в клетку большой птицы. Ее голос способен сделать одухотворенным любое лицо на экране. Ее называют русской Эдит Пиаф. На сцене своего Театра музыки и поэзии она расправляет крылья.

песней. И если бы у нас в стране не было жестокой цензуры, у меня, наверное, по-другому бы сложилась жизнь. Но как только возникла перспектива гастролей — все уперлось в мой репертуар. На комиссии Минкульты исполнитель русских песен Иван Суржиков кричал: "Так начиналась Чехословакия! Там молодежь тоже пела какие-то свои песни. Видите, чем это закончилось?!" И у меня началась полуподпольная жизнь.

— Интересно, а как в ваших глазах выглядят наши эстрадные звезды?

— Наша эстрада, мягко говоря... Нет, многих я с удовольствием слушаю: Иру Богучевскую, Инну Желанную, Ольгу Арефьеву, Сашу Градского. Все, что не попса, мне интересно. Я так смело говорю о попсе, потому что я ее знаю. Это мазохизм своего рода, но я выслушала весь концерт на Манежной площади, посвященный Пушкину. Со слезами его смотрела: мне было так обидно за Пушкина, за всю русскую культуру! Будто саранча пришла и поела поле, которое выращивалось годами.

— А Пугачева, которая поет Пастернака?

— Я это не приемлю. Ведь есть так много других стихов, в которых можно выразить подобный род чувственности! Но особенно мне было обидно слушать, как по всей стране София Ротару распевала "Только этого мало" на стихи Арсения Тарковского. Одни из самых тонких и пронзительных строчек! А получился настолько противоположный результат. Можно по-разному интерпретировать стихи, но не так, чтобы их просто уничтожить. Я вижу, как поменялось время. Сегодняшние студенты — уже не те, которых я знала: у них другая фактура. Они слушают откровенную попу, они на этом воспитаны, к сожалению, и они не виноваты.

— Вас никогда не посещало искушение сделать что-то более коммерческое, выйти в массы? Поет же бывшая джазовая певица Лариса Долина про "погоду в доме", и многим нравится.

— Были моменты, когда очень известный композитор предлагал сотрудничество, хотел, чтоб я пела его песни. Говорил: "Вы же понимаете, что я вас подниму." Или в период моего тяжелейшего положения в Москонцерте главный литредактор советовала: "У вас сейчас есть отличная возможность выступить в Колонном зале". Речь шла о вечере именитого поэта, главного редактора "Огонька". Но я отказывалась. Понимаете, я не могу: есть вещи, через которые не пропустишь. То же самое — участие в передачах "Песня года". Меня раньше много раз звали. Последние лет десять уже, слава богу, не зовут. Я вижу, что климат совершенно не мой — зачем же я буду там появляться? Хотя это, безусловно, придает популярности. Но я уже вольно или невольно стала воспитанницей школы своих же песен. Мы вместе получаем удары, вместе радуемся. Я часто повторяю, что отношусь к песне как к живому существу.

— А от кого вы получаете удары? От зрителей?

— Бывало, что и от зрителей я получала такие удары страшные! Это сейчас, приезжая на гастроли, я уверена, что придут те, кто меня знает. А когда я начинала, жанр был никому не известен. Я пела: "Я такое дерево, я такое дерево, я такое дерево", исполняла баллады, сложные для неподготовленного слушателя. И видела, что студенческая молодежь носит меня на руках, но как только я попадаю в обычный эстрадный

ЕЛЕНА КАМБУРОВА:

"Женщины писали мне любовные письма"

ЗОЛУШКА БЕЗ
ТУФЛЕК

ВИКТОР СЕНЦОВ

концерт, я — белая ворона. На гастроли меня отправляли и в деревню, и к шахтерам. Я не против, но люди ведь ничего похожего никогда не слышали. Хорошо, если они тихо сидят и думают: "Бог знает, чего она там пропела". Но бывает и агрессивный слушатель — например, солдаты. У Таривердиева есть песня под названием "Мне хотелось бы". Никогда не забуду, как я ее объявила — и зал просто лег от хохота. Я не понимала, почему они смеются.

— Чиновники от культуры не упрекали, что вы "далеки от народа"?

— Как раз на одном из концертов перед шахтерами, для того чтоб перекинуть хоть какой-то мостик к вниманию полупьяного зала, я сказала фразу: "Песни — очень хрупкие существа. Они подобны цветам: если их воткнуть в песок — они вянут". В зале действительно поменялась атмосфера, руководитель клуба говорил мне очень теплые слова, даже взял адрес. И прислал открытку. Она меня позже спасла, потому что местный администратор на меня донесла: написала, что я оскорбляю рабочий класс. Мол, на такой почве песни не взойдут. И на полном серьезе это рассматривалось в партийных инстанциях. Я предъявила письмо директора клуба. Он писал, что тот концерт до сих пор вспоминает. И таких случаев было много. Саратовский обком тоже угледел "антисоветские настроения" в моем репертуаре. Письмо пошло в Министерство культуры — и у меня наступили тяжелейшие времена в Москонцерте. К счастью, тогда мне предложили сниматься в кино.

— Был и такой опыт в вашей жизни?

— Да, в 75-м году в Киеве меня утвердили на главную роль в фильме "Театр неизвестного актера" режиссера Николая Рашеева, который снял "Бумбараш". Но комиссия в Москве сказала: "Мы не можем ее утвердить — хватит нам Чуриковых." Не знаю, что они имели в виду, но режиссер разделил роль на две части и все равно стал меня снимать. Это было хорошее время, но я сожалею, что тогда все-таки еще очень волновалась перед камерой и на пробе прочитала намного лучше, чем в кадре.

— А свою музыкальную работу в кино вы любите?

— Больше всего мне запомнились истории с "Рабой любви" и с "Дульсиной Тобесской". Ну и, может быть, "Приключения Электроника".

— Так это ваш голос?!

— Конечно — я там за мальчика пела "До чего дошел прогресс". Я и сегодня так спою: у меня этот тембр совершенно не ушел. В "Ералаше" заставка тоже моя — "Мальчишки и девочки..." Я тогда случайно оказалась на студии Горького, записывала другую песню, а рядом ребята хором пытались спеть для "Ералаша". Редактор все не нравилось, и меня попросили: "Покажите им немножко, чтоб получилось позадорней". В итоге решили оставить мой вариант.

Ну а с "Рабой любви" получилось так: по моему, месяц Никита Михалков мучился с двумя музыкальными фрагментами. Они действительно очень серьезные и решают историю всего фильма. Искли человека, который записал бы вокал. Чуть ли не пятнадцать певцов перебрали — и женские, и мужские голоса. И, прямо как в сказке о Золушке, наконец вспомнили обо мне.

Меня потрясло то, как работал на записи сам Михалков. Я первый раз такое видела. Обычно режиссер сидит себе в микшерской. А он, затаив дыхание, стоял рядом, когда я пела, и, казалось, внутренне про-

живал все вместе со мной. Сделали два дубля, я хотела перепеть еще раз — умоляла просто. Мне сказали: "Нет, хватит. Это то, что надо".

— А "Дульсиния Тобесская" чем запомнилась?

— Там очень важно было, чтобы получилось похоже на голос героини. Мы к Гладкову приходили вместе с Гундаревой. Один раз даже вместе попели. Она прекрасная актриса, и, по-моему, у нас все совпало. Запись прошла очень легко. В другом фильме, помню, писалась песня Алексея Рыбникова — ее пела девочка. В одном месте ей нужно было подняться на полтора тона вверх, а диапазона от волнения не хватало. И меня попросили помочь. Вот тут действительно пришлось трудно, потому что надо было на сто процентов попасть в ее тембр — спеть две строчки, чтоб мое вмешательство осталось незамеченным.

— Вижу, у вас висит портрет Фаины Георгиевны Раневской. И знаю, что вы были знакомы. Вас связывала дружба или только знакомство?

— Я считаю, что она одарила меня радостью общения с ней. Я верю в чудеса, и моя встреча с Раневской — одно из таких чудес. На радиостанции "Юность" я прочитала горьковскую "Нунчу", Фаина Георгиевна услышала программу — и тут же написала письмо, которое начиналось словами "Я никогда не писала на радио". Мне долгие годы не приходило в голову ни позвонить, ни написать ей. И опять же случай привел меня в ее дом. И уже все последние годы я много бывала у нее. Когда Фаины Георгиевны не стало, я пришла в ее опустевшую квартиру и увидела, что в Таганрог, где решили сделать музей, увезли только парадную мебель. А основные предметы, которыми она постоянно пользовалась, остались. И я забрала три вещи. Вот мы сидим на тахте, на которой она спала все последние годы жизни. Она была ей очень неудобна: вся сплошь с выбоинами, маленькая, не по росту Раневской. Сейчас я привела ее в порядок, а Фаина Георгиевна подкладывала подушки, чтобы ее выровнять. Она принадлежала когда-то Павле Леонтьевне Вульф, театральной звезде начала века, которая, можно сказать, поставила Раневскую на путь истинный. И в память о ней Раневская спала только на этой тахте. В другой комнате у меня стоит журнальный столик Фаины Георгиевны, на котором у нее обязательно лежал Пушкин. Кстати, когда я давала ей книги почитать, она всегда подписывала их: "Читала Раневская. Спасибо".

— Вы как-то сказали фразу: "В меня влюбляются женщины". Что это значит?

— Я сама не знаю. Я совершенно не по той части. Может, так происходит потому, что женщина все-таки более тонкое существо, как мне кажется. Они более восприимчивы и как зрители. Не знаю, что они видят во мне, но действительно были женщины, которые серьезно увлекались — писали мне любовные письма самые настоящие.

— У вас очень много чувств на сцене, но вы мало говорите о чувственном опыте в жизни.

— Странно, но мне почему-то не хочется об этом говорить. И не потому, что в газете напишут. Я даже с близкими друзьями не разговариваю на такие темы. В детстве и в юности я очень влюбчива была. Предмет моей любви часто не знал о моих чувствах — они во мне бурлили, и я рассказывала подружкам. Но с какого-то момента подумала: зачем? Это только моя история. В ней много боли, много радости, но мне не нужно ни с кем ею делиться.

— Вы с теплотой вспоминаете свою замужнюю жизнь?

— Нет, первая моя история была очень сложна для меня. Более чем. А со вторым мужем мы до сих пор в очень хороших отношениях. Раньше он был режиссером на Студии научно-популярных фильмов. А потом общение со мной, видимо, так на него повлияло, что он бросил прежнюю работу и стал петь. Даже работал певцом в Москонцерте. У него очень хороший голос.

— Насколько я понимаю, сейчас вы живете одна. Вы легко переносите одиночество или для вас оно все-таки — ноша?

— Очень легко. Сначала я жила с родителями. Потом — институт, общежитие, два замужества. И все время происходил некий поиск одиночества. Я думала: Господи, где же мне хоть полчасика побыть одной? Это не значит, что я не люблю общаться, — нет, я общительный человек. Но единение мне необходимо. Когда же в один прекрасный день я вдруг оказалась одна в квартире, вот тут мне стало не по себе: первый раз все-таки. Но то был просто момент перехода в другую ипостась — через какое-то время я адаптировалась. Сейчас у меня нет недостатка общения: большой круг друзей. Я не чувствую себя одинокой. Хотя знаю, что такое тоска одиночества. Это то, что происходило с Фаиной Раневской, которая все время писала на бумажках слова "тоска смертная", когда ушли все ее друзья, ровесники. Даже мои приходы не спасали: я не могла ей заменить Качалова. Но у меня подобного состояния пока не было.

— Боюсь, что вопрос покажется идиотским, но все-таки: вы поете в душе?

— В душе? Я там распеваюсь!

Катя ПРЯНИК.